

**ЯРЛЫК О НАЗНАЧЕНИИ ЭМИРА ТУМЕНА
ИЗ «ДАСТУР АЛ-КАТИБ» И СТАТУС ТЕМНИКОВ
В УЛУСАХ ХУЛАГУ, ДЖУЧИ И ЧАГАТАЯ**

Л.Ф. Абзалов¹, М.С. Гатин², И.А. Мустакимов³, Р.Ю. Почекаев⁴

^{1,2} Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

³ Научный институт изучения Улуса Джучи,
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

⁴ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ len_afzal@mail.ru

Цель исследования: дать характеристику правового положения темника как военачальника и администратора в Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и в государстве Тимуридов на основе анализа средневековых правовых и нарративных источников и результатов ранее проведенных исследований.

Материалы и методы исследования: основу исследования составляют тексты ярлыков правителей монгольского Ирана, включенных в трактат Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб», в оригинале и немецком переводе Й. фон Хаммер-Пургшталя, а также другие средневековые источники об Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и государстве Тимуридов восточного и русского происхождения. Основными методами исследования являются историко-правовой общеисторический, дипломатический (формулярный), сравнительно-исторический анализ, в совокупности формирующие междисциплинарный подход, позволяющие извлечь максимум полезной информации из изучаемых документов по различным аспектам истории государств Чингизидов.

Научная новизна заключается в том, что впервые вводится в русскоязычный научный оборот текст ярлыка о назначении эмира тумена (темника) из «Дастур ал-катиб», который исследуется на междисциплинарном уровне, осуществляется его сопоставление с другими историческими источниками.

Результаты исследования: на основе анализа текста ярлыка реконструируется правовой статус темника как военачальника и высокопоставленного администратора в Улусах Хулагу, Джучи, Чагатая и в государстве Тимуридов, выявляются требования, предъявляемые к кандидатам на этот пост, права и обязанности сановника. Формулярный анализ позволяет выявить место темника в сановой иерархии, значение, которое придавали Чингизиды подбору кандидатов на этот пост.

© Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: монгольский Иран, Улус Джучи, Улус Чагатая, государство Тимуридов, административно-территориальное устройство, темник, тумен, ярлык, эмир, десятичная система

Для цитирования: Абзалов Л.Ф., Гатин М.С., Мустакимов И.А., Почекаев Р.Ю. Ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» и статус темников в Улусах Хулагу, Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 592–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610 EDN: LVIAEZ

Финансирование: Исследование осуществлено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (ИРН № BR18574101).

THE JARLYK ON APPOINTMENT OF *AMIR-E TUMAN* FROM THE “DASTUR AL-KHATIB” AND STATUS OF TEMNIK IN THE ULUSES OF HULAGU, JOCHI AND CHAGATAY

L.F. Abzalov¹, M.S. Gatin², I.A. Mustakimov³, R.Yu. Pochekaev⁴

^{1,2} Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

³ Research Institute for Jochi Ulus Studies,
L.N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan

⁴ National Research University Higher School of Economics
St. Petersburg, Russian Federation

¹ len_afzal@mail.ru

Abstract: *Research objectives:* This study aims to characterize the legal status of the emir of the tumen (i.e., miriarch) in the Chinggisid states, including the uluses of Hulagu, Jochi, Chagatay, and the Timurid State. The focus is on their roles as military commanders and administrative officers, drawing from medieval legal documents, narrative sources, and prior research findings.

Materials and methods of research: The primary materials under examination are the jarlyks contained within Muhammad b. Hindushah Nakhchivani’s “Dastur al-katib fi ta’yin al-maratib,” in its original Persian form and in the German translation by J. von Hammer-Purgstall. Additionally, various medieval sources detailing the history of the Chinggisid states of the 13th–14th centuries, both of Oriental and Russian origin, are considered. The research methods employed encompass historical-legal, diplomatic, and comparative historical analyses, forming an interdisciplinary approach that enables the comparison of diverse sources in the pursuit of authentic information.

Scientific novelty: This work represents the inaugural Russian translation of the first jarlyk regarding the appointment of the emir of the tumen sourced from the “Dastur al-katib.” It distinguishes itself by employing an interdisciplinary approach and cross-referencing with other source types.

Results of the research: The analysis of the document facilitates the reconstruction of the legal status of the temnik, shedding light on their role as a military commander and high-ranking official within the uluses of Hulagu, Jochi, Chagatay (including the Timurid State). This includes an exploration of the qualifications expected of candidates for this position, as well as their associated rights and responsibilities. The diplomatic analysis contributes to a clearer understanding of the emir of the tumen’s position within the state

hierarchy and underscores the significance attributed to candidates for this role by Chinggisid rulers.

Keywords: Mongol Iran, Jochi Ulus, Chagatay Ulus, Timurid State, administrative-territory system, temnik, tumen, jarlyk, emir, decimal system

For citation: Abzalov L.F., Gatin M.S., Mustakimov I.A., Pochekaev R.Yu. The jarlyk on appointment of *amir-e tuman* from the “Dastur al-katib” and status of temnik in the uluses of Hulagu, Jochi and Chagatay. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 3, pp. 592–610. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610 (In Russian)

Financial Support: The study was financially supported by the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (IRN № BR1854101).

Введение

Система власти и управления в государствах Чингизидов неоднократно становилась предметом исследования специалистов. При этом нельзя не отметить, что в большинстве случаев основными источниками при изучении данной тематики выступают нарративные источники – в особенности это касается тех государств, от которых сохранилось незначительное число официальных документов (Золотая Орда, Чагатайский улус). Если же речь идет о правовых актах то, как правило, исследователям доступны те из них, которые лишь косвенно отражают вопрос организации и функционирования органов власти – речь идет о ханских ярлыках, представляющих собой либо жалованные грамоты, либо акты дипломатической переписки.

В этих условиях особенно ценным является поиск и выявление новых историко-правовых источников, непосредственно связанных с регулированием создания и деятельности органов власти и управления в тюрко-монгольских государствах. К числу важнейших из них, несомненно, следует отнести «Дастур ал-катиб фи та‘йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней») – персоязычный трактат второй половины XIV в., составленный Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, сановником эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиридов. Вторая часть данного сочинения содержит образцы ярлыков о назначении на должность значительного круга чиновников по военному, гражданскому и судебно-духовному ведомствам с подробным перечислением требований к ним, их прав и обязанностей, взаимоотношений с вышестоящими и нижестоящими представителями администрации и пр.

Целью настоящей статьи является попытка междисциплинарного анализа одного из таких образцов ярлыков – указа о назначении эмира тумена, т.е. темника. Институт темников хорошо известен во всех государствах Чингизидов. Поэтому полагаем, что информация, содержащаяся в данном документе, несмотря на его «иранское» происхождение, окажется весьма актуальной для изучения правового статуса этих высокопоставленных представителей военной администрации и в других чингизидских державах, в т.ч. и в Улусе Джучи¹. Основными задачами в рамках настоящего исследования яв-

¹ Что нашло отражение в факте помещения текста этого ярлыка Й. фон Хаммером-Пургшталем в приложении к его труду о Золотой Орде, перевод которого с немецкого на русский мы также приводим ниже.

ляются комментирование ярлыка о назначении эмира тумена как официального документа и правового акта, а также соотнесение его содержания с сообщениями других исторических источников о статусе темника.

История вопроса. Институт темников часто привлекал внимание исследователей, изучавших различные аспекты истории Монгольской империи и ее улусов. Статус темников как представителей наследственной служилой аристократии в Монгольской империи эпохи Чингиз-хана рассматривал Б.Я. Владимирцов [8, с. 402–406]. Проблемы, связанные с формированием туменов как моно и полиэтнических воинских соединений и, соответственно, связанных с ними административно-территориальных единиц поднимались рядом автором на примере империи Юань, монгольского Ирана и др. [5; 39].

Значительное число работ, посвященных отдельным аспектам правового положения темников, относится к истории Золотой Орды и ее связей с государствами, в разное время пребывавшими в вассальной зависимости от нее. Ряд авторов уделяет внимание проблемам статуса темников, их обширных полномочий и высокого места в ордынской сановной иерархии как своеобразного «административного ресурса» в их борьбе за власть – недаром к числу темников относят таких известных политических деятелей Улуса Джучи как Ногай, Мамай, Едигей [6; 10; 27; 30; 32]. Другие авторы рассматривают такие вопросы как персональный состав влиятельных темников в Золотой Орде в тот или иной период времени, особенности правового положения отдельных туменов в связи с личностью и статусом их предводителей. Подчеркивание средневековыми хронистами роли тех или иных темников в политической жизни или при ханском дворе дает основание выделять среди многочисленных представителей этой должности наиболее влиятельных лиц – «великих темников», т.е. тех, кто в силу происхождения (клановой принадлежности), отношения хана или родства с Чингизидами занимал более высокое положение чем многие другие, равные ему по должности [12; 23]. Такие сановники, сохраняя «звание» темников, могли назначаться также на должности наместников областей [39, р. 143, 153; 44, р. 78, 95] и беклербеков (Ногай, Мамай).

Большой интерес исследователей вызывает существование специфических административно-территориальных подразделений, в официальное название которых входит элемент «тумен» или «тьма», как в государстве Хулагуидов, так и в улусах Джучи и Чагатая. На территории Золотой Орды этот термин продолжал использоваться и после ее распада. В частности, речь идет о «Яголдаевой тьме» в составе Великого княжества Литовского второй половины XV в. [22; 31], Темниковской Мещере [1], «Тюменском владении» на Кавказе [11]².

К числу вопросов, неоднократно рассматривавшихся и неизменно вызывавших дискуссию исследователей, относится проблема ордынского влияния на административно-территориальное деление русских земель в эпоху ордынского владычества. При этом исследователи высказывают прямо противоположные, взаимоисключающие точки зрения. Так, Г.В. Вернадский и Ч.Дж. Гальперин, ссылаясь на информацию ряда русских летописей и правовых актов (княжеских духовных и договорных грамот) высказывают мнение, что русские земли в ре-

² В последнем случае исследователи, впрочем, допускают разные этимологии названия «Тюмень», связывая его как с ордынским туменом, так и с другими возможными версиями происхождения [11, с. 183].

зультате подчинения Улусу Джучи и проведения в них ордынских переписей второй половины XIII в. были поделены на десятки, сотни, тысячи и тумены («тьмы») – по образу и подобию монгольской имперской десятичной системы, правда, при этом не готовы ответить на вопрос о наличии темников (как и тысячников) в административной системе русских княжеств [6, с. 222–225; 37, р. 41–42; ср.: 30, с. 250]. И. Вашари и Л.Н. Лангер идут еще дальше, считая, что такими предводителями «тем» и «тысяч» могли являться золотоордынские баскаки [40, р. 519–520; 42, р. 189]. Другие же авторы, также ссылаясь на древнерусские исторические памятники, напротив, считают, что десятичная система (включая «тысячи» и «тьмы») либо сложилась на Руси без всякого ордынского влияния [4], либо же касалась только так называемых «татарских мест», т.е. отдельных земельных владений на Руси, находившихся под прямым контролем золотоордынской администрации [14].

Как видим, разброс мнений весьма широк, что, несомненно, объясняется лапидарностью сведений о темниках, содержащихся в исторических памятниках различного происхождения, но при этом не посвященным непосредственно институту темников и административно-правовому статусу туменов. Полагаем, что анализ правового акта, непосредственно определяющего правовой статус «эмира тумена», позволит внести существенные уточнения в существующие представления об этом административно-правовом институте. И если даже его введение в научный оборот не разрешит однозначно все споры вокруг темников, то, надеемся, будет способствовать выведению дискуссии об их статусе на качественно новый уровень.

Приоритет во введении в научный оборот ярлыков из "Дастур ал-катиб" принадлежит Й. фон Хаммер-Пургшталю. В связи с этим, а также учитывая большое влияние, которое работы австрийского востоковеда оказали на изучение чингизидских государств в европейской историографии, авторы пришли к выводу о целесообразности включения в свою работу русских переводов соответствующих документов из работы Хаммер-Пургшталя [38, с. 463–516]. Кроме того, параллельная публикация переводов двух документов должна позволить проследить эволюцию изучения средневековых чингизидских источников.

Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя [38, с. 465–466]³	Перевод с оригинала [16, с. 25–27 араб. паг.]⁴
Грамота [ярлык] эмиру десяти тысяч [тумена] (первый [образец]) Так как энное лицо выделяется среди других эмиров [своей] безупречной внимательностью и энергией, твердым суждением, похвальным нравом	Раздел третий. О вверении эмирства над туменом, тысячей и сотней. Вид первый. Поскольку такой-то превосходит прочих эмиров и предпочтительнее [их] по [причине своей] большой энергии,

³ Перевод на русский язык выполнен М.С. Гатиным.

⁴ Перевод на русский язык выполнен И.А. Мустакимовым.

и всеобщей справедливостью, и *тумен*⁵ энного лица исстари находился в подчинении его праотцов и предков, полностью соответствующий требованиям и мерилам, при условии полного довольства эмиров сотен, воинов и [простых] жителей земли его хорошим отношением [к себе], таким образом ему передаётся эта должность, которой он полностью достоин по причине наследования и личных заслуг; к тому же ему необходимо прилагать старания и вменяется в обязанность своим благородным врождённым нравом и сообразно примеру своих предков исполнять должность [эмира] *тумена* (состоящее из 10 000 ратников войско), назначать эмиров тысяч и сотен, заботиться о воинах: счесть ему необходимым идти по следу справедливости и законности; ежегодно взимать налоги на содержание и жалование тех, кто внесен в списки дивана, из мест, к которым они приписаны, а также использовать [налоги] на приобретение лошадей и оружия, кроме того пусть не опаздывает ко времени выступления победоносного войска в схватку. Поэтому этот указ и был издан, чтобы, начиная с этого дня, эмиры тысяч, сотен, десятков и воины этого *тумена* признавали его эмиром *тумена* (предводителем войска), и во всех необходимых делах обращались к нему, слушались его и не избегали его похвалы; в любое время, когда это необходимо, денно и ночью были хорошо подготовлены к выступлению [в поход] верхом, следовать эмиру *тумена*, исполнять долг повиновения⁶, во всём ему полагать-

уместной решительности, правого мнения, похвального разумения, чрезвычайной справедливости и совершенной беспристрастности, [а также потому, что] эмирство над таким-то туменом издавна являлось должностью, занимаемой его предками и старшими родственниками, они соответствовали ее условиям и требованиям, эмиры сотен, воины и население провинции (ولایت) были довольны и благодарны за их хорошее обращение⁷, то эта должность как по обычаю наследования, так и по причине [его] заслуг сочтена подобающей для него и препоручается ему. Пусть полагает своей обязанностью прилагать старания и направлять усилия на заботу о том тумене, укрепление эмиров тысяч и сотен и оберегание воинов в соответствии с тем, как наша⁸ благородная натура усматривает и полагает врожденными и присущими [ему качествами], и так, как [эти обязанности] исполнялись его предками. [Пусть] считает для себя должным следование путем справедливости и беспристрастия. Средства на выплату им⁹ содержания и экипировочных, прописанные в реестрах дивана, пусть ежегодно взимает с определенных для этого мест. [Пусть] вплотную занимается пригодностью их¹⁰ коней и исправностью их⁸ оружия. Также пусть действует так, чтобы во время выступления [нашего] победоносного войска не произошло отставания [вверенного ему тумена от основных сил] по какой бы то ни было причине. Посему издан настоящий указ с тем, чтобы начиная с этой даты эмиры тысяч, сотен, десятков и воины того тумена, призна-

⁵ Здесь и далее курсив Й. фон Хаммер-Пургшталя.

⁶ *Be wasifei kidschamischî kiam numajend. Kidschamischî* – татарское слово, вероятно, производное от *Kidschik* или *Kitschik* – т.е. «малый», используется для обозначения подчинения малых людей большим (прим. Й. фон Хаммер-Пургшталя).

⁷ Букв. «за их достойный образ жизни» (حسن معاش ايشان).

ся, что прежде уже было так установлено предками, и подобным же образом соблюдать предписания и непременно уважать его слова как нижестоящим людям.

вая его эмиром тумена, по всем упомянутым вопросам обращались к нему и не нарушали его приказов и распоряжений. Пусть всякий раз по получении от него клича (جار), невзирая на время суток, снаряженными и готовыми садятся [в седло] и присоединяются к нему с тем, чтобы добросовестно выполнить обязанность скорейшего вступления в битву. Подать, полагающуюся [для выплаты содержания] эмиру тумена и ранее направлявшуюся его предшественникам, пусть таким же образом направляют ему и его нукерам. Писано по высочайшему повелению – да будет оно действовать вечно! – в ...

Дипломатический комментарий. Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит образцы документов, характерные для персидской делопроизводительной традиции, поэтому и ярлык о вверении эмирства над туменом имеет свойственную персидским документам структуру [33, р. 301–313; ср.: 15; 36]. Наш автор в разбираемом образце ярлыка акцентировал свое внимание лишь на некоторых компонентах основной части документа, в то время как остальные статьи условного формуляра не нашли своего выражения.

В начальном протоколе отсутствует invocatio, которая в персоязычных документах писалась на арабском языке [36]. В целом отсутствие начального и конечного протокола объясняется тем, что эти части документа были шаблонными и мало отличались от вида издаваемого акта, в особенности в документах о назначении на ту или иную должность. Мухаммед б. Хиндушах, как правило, приводит лишь те части документа, которые могли вызвать затруднения у писца-мунши или катиба.

Абстрактный формуляр актов о назначении на должность помимо всего прочего мог включать промульгацию и преамбулу, которые отсутствуют в индивидуальном формуляре разбираемого образца ярлыка. Автор привел пространную наррацию, в которой изложены обстоятельства дела, предшествующие совершению акта. Сущность издаваемого документа выражалась в диспозиции, в которой речь идет о назначении на должность эмира тумена и его полномочиях. В акты о назначении на ту или иную должность в диспозитивную часть, как правило, добавлялись предписания, запреты или ограничения для адресата или должностных лиц, что мы можем видеть и в разбираемом нами образце ярлыка.

Абстрактный формуляр документов персидских канцелярий заканчивался фразой, в которой делалась ссылка на печать (корроборация) и ука-

⁸ В одном из списков «Дастур ал-катиб», использованных А.А.Али-заде, слово «наша» опущено.

⁹ Т.е. эмирам тысяч и сотен и воинам.

¹⁰ Т.е. воинов.

зание даты, посредством таких формул как: «кутиба фи» (كتب في) или «тахриран фи» (تحريرا في) [33, p. 310]. Рашид ад-Дин, в приводимых им списках фирманов Газана, обозначает эту часть документа следующим образом: «Указ написан в таком-то месяце, такого-то года, в таком-то месте» [21, с. 285]. При Чингизидах в персидскую делопроизводственную практику внедряется тюрко-монгольский календарь [43, p. 150], сохранявшийся в Иране до первой трети XX в. Далее указывалось место издания документа [33, p. 310]. Но указанные выше элементы эсхатокола не представлены в индивидуальном формуляре образца ярлыка.

До конца XV – начала XVI в. справа под текстом и перпендикулярно ему, указывалось имя секретаря и других должностных лиц, участвовавших в подготовке документа. С начала XVII в. это указание дается на обороте документа [33, p. 310].

Учитывая то, что официальные акты, адресованные кочевому населению Ирана, писались или дублировались на монгольском или тюркском языках, эти ярлыки должны были иметь традиционную для чингизидских канцелярий формуляр, отличавшийся от персидских норм.

Начальный протокол монгольских документов включал в себя интитуляцию (адресант) и инскрипцию (адресат). Адресант был связан с конкретным правителем, от имени которого издавался ярлык, при этом он мог иметь различные варианты, которые также зависели от языка и графики документа. В том случае если документ писался на монгольском языке уйгурской графикой то, он имел традиционную для чингизидских канцелярий формулу «Слово наше» (монг. “*Üge manı*”), или же тюркском языке на уйгурской или арабской графике *سوزوميز ~ سوزوميز* или *سوزوم* («слово наше») [36; 26, с. 187–191]. Данная формула могла иметь некоторые вариации, которые определялись политическими притязаниями адресанта [9, с. 30]. За интитуляцией следовала инскрипция, в которой был представлен круг должностных лиц, который должен был принять официальный акт к исполнению, поэтому число его элементов могло варьироваться и располагались они в определенной иерархической последовательности [9, с. 52–54; 26, с. 208–209].

Переход от начального протокола к основной части документа, состоявшей из преамбулы, нотификации, наррации, диспозиции и корроборации, производился посредством характерной для чингизидского делопроизводства на монгольском языке формулы-оповещения (обнародования) «*dū[1] qaquī jarliq*» («к совершенному постижению ярлык») [9, с. 34; см. также: 26, с. 229–230]. В персоязычных актах формула-обнародование могла звучать следующим образом «*بدانند کی*» (ар. “*бадананд ки*”, «должны знать следующее»).

Как уже было указано, условный формуляр документов чингизидских канцелярий также мог включать преамбулу (аренгу) и наррацию. Здесь следует отметить, что в отличие от старой арабо-персидской традиции, в рамках которой использовались изящные словесные формулы и эпитеты, цитирование Корана [33, p. 309], собственно монгольской канцелярской культуре эти особенности были не свойственны [3, с. 20].

Основная суть документа находила свое выражение в диспозиции. В условном формуляре вслед за диспозицией, как правило, следовали санкция [26, с. 247] и корроборация, завершавшая основную часть документа. Например, в грамоте Абу-Са‘ида от 1320 г., подготовленной на монгольском языке

уйгурицей, корроборация выражена в следующей форме: «С золотой пай-цзой, с красной печатью ярлык милостиво выдан» (“Altan gerege al tamyatai jrlı soyurqaju ögbei”) [9, с. 67].

Эсхатокол документов чингизидских канцелярий, должен был содержать указание даты и места выдачи. Конечный протокол чингизидских актов также мог включать указание имен ходатаев и исполнителей его оформления. В канцелярской культуре Чингизидов также прослеживается практика помещения удостоверяющих надписей на обороте документа [34, р. 508]. Вероятно, подобная практика была введена в годы правления Чингиз-хана или же Угедэя, что было вызвано возрастанием документооборота и необходимостью несения ответственности за подготовленный документ. В свою очередь писец или писцы, а также ходатаи могли выступать свидетелями при разрешении дела, связанного с выдачей этого документа. Удостоверительные надписи на уйгурской графике также применялись в случае написания документов на других языках [29, с. 142]. Часто удостоверительные надписи отражали краткое содержание документа на монгольском языке [35, р. 478–486; см. также: 16, с. 39–43 араб. паг.], для того чтобы писцы и сановники, не владевшие языком, на котором был написан документ, могли иметь представление о его содержании [21, с. 276].

Формулярный анализ ярлыка на назначение темника позволяет сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани сделал акцент на основной части ярлыка, и в соответствии с персидской традицией дал развернутую характеристику наррации и диспозиции, не включив при этом некоторые элементы основной части, а именно, промульгацию, аренгу, корроборацию и санкцию, а также не дал полного описания типичных для актовых материалов и хорошо известных каждому писцу-делопроизводителю, начального и конечного протоколов. Но исходя из того, что ярлык был адресован представителям монгольской элиты, он должен был быть подготовлен или продублирован на монгольском или тюркском языке в соответствии с типовым формуляром, принятым в чингизидской делопроизводственной культуре.

Историко-правовой комментарий. Данный документ представляется собой правовую характеристику предводителя тумена (темника), т.е. начальника десяти тысячного отряда воинов.

Главным основанием в пользу назначения конкретного лица на должность темника, как вытекает из документа, является его происхождение: «эмирство над таким-то туменом издавна являлось должностью, занимаемой его предками и старшими родственниками». Это в полной мере соответствует наблюдениям Б.Я. Владимирцова и других исследователей, отмечающих наследственный характер власти темников – даже в тех случаях, когда сам тумен перемещался в другое место и даже в другой улус, что имело широкое применение в эпоху расширения Монгольской империи. Безусловно, передача статуса темника по наследству имела определенные причины: сын или другой наследник находился при темнике (или даже непосредственно при хане), набираясь опыта административной и военной деятельности, тем самым приобретая необходимую квалификацию для занятия должности в дальнейшем.

В этих условиях статус «сына темника» означал не только семейное происхождение, но и определенное место в социальной иерархии. Это объясняет, в частности, внимание, которое русские летописцы уделили такому, казалось

бы, малозначительному эпизоду в связи с осадой и взятием Козельска в 1238 г. как гибель при осаде этого города «три сына темнич; искавшие их татарове и не обретоша въ множестве трупия мертвых» [18, с. 130]. С учетом особенностей положения наследников эмира тумана речь идет не просто о семейной драме трех монгольских военачальников, а о потере ценных представителей «кадрового резерва».

Вместе с тем, принадлежность к семейству действующего темника не давала полной гарантии наследования его должности, что также вполне однозначно прописывается в данном документе. Во-первых, сам факт выдачи ярлыка, образец которого нами анализируется, свидетельствует о том, что окончательное решение о назначении нового темника принималось монархом на основе собственного усмотрения. Во-вторых, обращает на себя внимание такая, казалось бы, безобидная фраза: «эмиры сотен, воины и население провинции... были довольны и благодарны за их хорошее обращение». То есть, поводом (как минимум, формальным) для того, чтобы лишить действующего темника его полномочий или не назначить его законного наследника на освободившийся пост могло стать недовольство этим сановником со стороны его собственных подчиненных. В самом деле, источники сохранили сведения о том, что не только темники, но в ряде случаев и тысячники могли влиять на судьбу тех или иных правителей – например, на отношения в семействе Ногай в период его противостояния с Токтой [20, с. 85–86; 25, с. 112–113].

Вместе с тем, основания для лишения темника его статуса могли быть связаны не только с отсутствием поддержки со стороны подчиненных, но и с более серьезными нарушениями: в этих условиях лишение статуса темника могло являться наказанием за совершение уголовного преступления. Так, например, ильхан Олджейту, разбирая причины мятежа в Гиляне, наказал ряд эмиров, допустивших его: кого-то приказал казнить, кого-то приговорил к телесным наказаниям, тогда как эмира Сийавуша «ради его отца простил, но отстранил от эмирата туманом отца и передал эмират [этого] тумана эмиру Чобану» [28, с. 38]. Это сообщение отчасти опровергает утверждение Б.Я. Владимирцова о том, что если хан лишал темника его статуса, то его должность передавалась его же ближайшим родственником [8, с. 402]: эмир Чобан не являлся родичем упомянутому Сийавушу. Тем не менее, родовая принадлежность имела важное значение для статуса и в ряде случаев для судьбы того или иного сановника. Так, когда несколько высокопоставленных сановников в конфликте ильхана Абу-Са'ида с вышеупомянутым эмиром Чобаном сначала приняли сторону последнего, а затем переметнулись к ильхану, он «выразил им свою обиду, отстранил и от эмирата улусом, [но] через некоторое время опять стал милостив и пожаловал им эмират их туманами» [28, с. 129]. Т.е. в данном случае также имело место понижение нарушителей в статусе, но затем они получили в управление туманы, которыми либо управляли сами до того, как стать «эмирами улуса», либо являлись наследниками их прежних темников.

Из других источников нам хорошо известно, что, несмотря на прямую привязку к военной службе, темники (равно как и предводители нижестоящих воинских подразделений – тысяч, сотен, десятков) являлись не только военачальниками, но и администраторами. Однако если в сохранившихся летописных источниках этот статус темника вытекает из контекста, то в данном случае мы имеем дело с законодательным подтверждением факта нали-

чия у него не только военных и административных полномочий. На это указывают, в частности, упоминание «населения провинции», обязанность «оберегания воинов» и осуществление суда над подвластными ему лицами («следование путем справедливости и беспристрастия»).

Сходным статусом обладали темники и в Чагатайском улусе. Командуя туменами, они могли также занимать место в государственном совете – быть «эмирами дивана», а также осуществлять другие чиновничьи обязанности (например, товачи – «инспектора войск»). А некий Хайдер Рази, командовавший туменом, даже отправлял должность везира при Тимуриде Искандаре б. Умар-Шейха [2, р. 124]. При этом должность темника передавалась по наследству, тогда назначение как на другие государственные должности происходило исключительно в индивидуальном порядке на основе волеизъявления правителя в каждом конкретном случае [2, р. 23, 39, 45].

В «Му’изз ал-ансаб» перечисляется большое число темников, находившихся в подчинении потомков Тимура – в частности, Шахруха (1407–1447) и Абу Саида (1459–1469), причем в отношении некоторых из них тут же указываются и другие их должности или обязанности, которые они отправляли при дворе или в войске своих правителей [1, с. 152–154, 172].

Характерно, что в Чагатайском улусе темники более четко, чем в других чингизидских государствах, были привязаны к определенным регионам. Так, вышеупомянутый Хайдер Рази командовал туменом Йезда, а сам эмир Тимур и его основные наследники, являясь фактическими правителями Чагатайского улуса, в то же время формально носили звание эмиров тумена своего родного Кеша [2, р. 124; 3, р. 22, 239].

Большой интерес вызывает фраза «Средства на выплату им содержания и экипировочных, прописанные в реестрах дивана, пусть ежегодно взимает с определенных для этого мест». Она подтверждает факт наличия у темников (равно как и у тысячников) икта, т.е. неких земельных владений, с которых в пользу владельца взимались средства для содержания своего войска в надлежащем боеспособном состоянии. В качестве таких владений как правило выделялись значимые населенные пункты – кишлаки и пр., численность жителей и уровень развития которых обеспечивали бы содержания соответствующего тумена, а также разного рода «общинные владения», например, пастибища [41, р. 56].

Вопрос о наличии икта как своеобразного «феода» неоднократно рассматривалось исследователями именно на материалах Ильханата, поскольку, помимо, ярлыка темнику из «Дастур ал-катиб» в распоряжении исследователей имеется также и текст указа ильхана Газана, которыми предводители туменов и тысяч официально наделялись икта, статус которых также закреплялся в этом документе [21, с. 282–285; см. также: 2, с. 20]. С одной стороны, такие владения передавались темнику (тысячнику), который мог получать с них доход, представителям центральной администрации запрещалось вторгаться в эти владения, собирать с них налоги и привлекать к суду местных жителей [17, с. 266–268]. Однако с другой стороны, для самого темника (тысячника) также устанавливались определенные ограничения: он имел право лишь на получение с этих земель определенных денежных средств (размер которых фиксиро-

вался «в реестрах дивана»¹¹), при этом ему не позволялось менять целевое назначение пожалованных ему земель, грабить местных жителей, произвольно увеличивая возложенные на них налоги и повинности и пр. [2, с. 23; 21, с. 284] Т.е., по сути, темник (тысячник) в данном случае выступал всего лишь бенефициаром, а не полноправным владельцем такого икта: юридически эти владения оставались государственной собственностью и находились в ведении либо ханского двора, либо соответствующего дивана. Более того, как показывает одна из последних фраз в анализируемом ярлыке, темник не имел возможности даже эту четко определенную сумму целиком и полностью расходовать по своему усмотрению: «Подать, полагающуюся [для выплаты содержания] эмиру тумена и ранее направлявшуюся его предшественникам, пусть таким же образом направляют ему и его нукерам», т.е. как минимум часть этого дохода с икта непосредственно поступала подчиненным темника, которые сами за его счет обеспечивали себя конями, оружием, доспехами и пр.

Тот факт, что эта система работала и в других государствах Чингизидов, в частности – в Золотой Орде, подтверждается источниками о наличии у джучидских темников аналогичных владений. Например, вышеупомянутая «Яголдаева тьма» упоминается в источниках «с землями, водами и прибылями», благодаря которым, собственно и поддерживалась боеспособность тумена. Вместе с тем, по нашему мнению, эта особенность статуса темников не позволяет отождествить с ними баскаков (даруг) в вассальных владениях, как это попытался сделать Л.Н. Лангер: эти представители ордынской власти не имели в русских и иных вассальных землях собственных войск, которые обеспечивались бы за счет местного оседлого населения.

Любопытно, что, в отличие от ряда других должностей, ярлыки о назначении которых включены в «Дастур ал-катиб», требования к кандидату в темники в документе четко не прописаны: составитель ограничивается некими общими формулировками типа «по причине [его] заслуг», «врожденными и присущими ему качествами» и пр. Надо полагать, что качества темников считались всем известными – вероятно, по причине того, что прецедент назначения на эти должности был сформирован еще Чингиз-ханом в процессе образования Монгольской империи, когда им были назначены первые темники центра, правого и левого крыла [13, с. 161, 168; 20, с. 260 и др.].

Зато обязанности темников в ярлыке прописаны весьма тщательно, хотя, несомненно, и они должны были бы являться хорошо известными с того же самого времени. Так темнику, помимо общих обязанностей «направлять усилия на заботу о том тумене», предписывалось заниматься «пригодностью... коней» и «исправностью... оружия» своих воинов, вовремя собирать войско для выступления в поход, «чтобы... не произошло отставания». Полагаем, прописывание этих обязанностей также являлось своего рода инструментом воздействия на темников со стороны центральной власти: ведь нарушение хотя бы одного из пунктов, прямо прописанного в ханском указе давало основание для применения санкций к эмиру тумена. Неудивительно, что ханские указы темникам по отдельным вопросам давались в буквальном смысле слова «под роспись»: историки и Ирана, и Чагатайского улуса упоминают о

¹¹ Исследователи со ссылкой на средневековые арабские источники утверждают, что сумма зависела от численности воинов в тумене – например, при наличии именно 10 тыс. воинов темник получал со своих владений 10 тыс. динаров [39, р. 52].

том, что темники, получая распоряжения центральных властей, давали расписки об их получении и принятии к исполнению [21, с. 284; 24, с. 161]. Это еще больше повышало их ответственность перед монархами.

Причины такого отношения к темникам вполне понятны: ведь в руках такого представителя военной администрации скапливались весьма значительные властные полномочия над собственными воинами и оседлыми населением отданного ему во владение икта. Эти полномочия также весьма скрупулезно прописаны в анализируемом ярлыке: после назначения темника на основе ярлыка: «эмиры тысяч, сотен, десятков и воины того тумена, признавая его эмиром тумена, по всем упомянутым вопросам обращались к нему и не нарушали его приказов и распоряжений. Пусть всякий раз по получении от него клича..., невзирая на время суток, снаряженными и готовыми садятся [в седло] и присоединяются к нему с тем, чтобы добросовестно выполнить обязанность скорейшего вступления в битву».

Далеко не все монархи-Чингизиды были достаточно властны и энергичны, чтобы обеспечить контроль над каждым из таких темников, особенно если речь шла о «великих», упомянутых выше. Рашид ад-Дин в одном из своих частных писем весьма откровенно пишет о необходимости ограничения власти таких темников: «Намерение наше заключается в том, чтобы, удостоив его чести пожалования [со своего плеча], препоручить ему ишрафство над страной Иран от границ реки Амуйе до последних пределов Рума и берегов реки Синд и отдаленных стран Мисра и государств Большой и Малой Армении и Диар Рабий до вилайета Балджуман и крепости Уник, чтобы эмир Сутай и ходжа Таги, которые [оба] являются эмирами *тумана*, не могли бы протянуть руку узурпации и господства в этом вилайете» [19, с. 82]. Сведения о политических событиях в чингизидских государствах – Золотой Орды эпохи войн Ногай с Токтой или «Великой замятни», Ильханате 1320–1350-х гг. и др. подтверждают обоснованность беспокойства правящих кругов по поводу влияния и могущества темников.

Заключение. Подводя итоги исследования, необходимо сделать вывод о том, что Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани при подготовке образца ярлыка о назначении темника опирался как на персидские, так и на чингизидские делопроизводственные традиции; ярлык содержит четкую характеристику статуса темника, особенностей его полномочий в отношении собственных воинов-кочевников и подвластного ему оседлого населения. Темники обладали значительным влиянием как в пределах своих владений, так и в масштабе всей страны и особенно армии. Это заставляло центральные власти изыскивать и нормативно закреплять различные формы контроля для обеспечения их лояльности. Также нельзя не отметить, что информация, содержащаяся в исследуемом документе, подтверждает большинство сведений о статусе темников из других исторических источников, на которые опирались прежде исследователи данного института, в ряде случаев конкретизируя и систематизируя эти сведения.

Институт темника в связи с политическими катаклизмами в Улусах Хулагу и Джучи прекратил свое существование в этих государствах после их распада. В Чагатайском Улусе же он просуществовал дольше чем в других чингизидских государствах, поскольку именно здесь лучше сохранялись базовые принципы кочевой военной организации, созданные в империи Чин-

гиз-хана. В результате темники фигурируют в чагатайских источниках и при поздних Тимуридах, еще во второй половине XV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурин М.М., Ишеев М.Р. Темников – город темника. К истории городов «мордовских украин» в XV–XVI вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 3. С. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658
2. Али-заде А.А. К вопросу об институте «икта» в Азербайджане при ильханах (XIII–XIV вв.) // Известия Азербайджанского филиала АН СССР. 1942. № 5. С. 19–28.
3. Ата Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. Пер. с перс. Дж.Э. Бойла. Пер. с англ. на рус. Е.Е.Харитоновой. М.: Магистер-Пресс, 2004. 689 с.
4. Буров В.А. О сотнях, тысячах и тьме Новгородской Земли // Новгород и Новгородская земля. Вып. 7. 1993. С. 98–110.
5. Бутанаев В.Я. Тумен кыргызы в составе Монгольской империи Юань // Мир Евразии. 2008. № 2. С. 21–25.
6. Вернадский Г.В. История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.
7. Веселовский Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время // Веселовский Н.И. Труды по истории Золотой Орды. Казань: Фэн, 2010. С. 132–191.
8. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. С. 295–488.
9. Григорьев А.П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 136 с.
10. Заплотинський Г.С. Інститут темників у формуванні державності татарських народів наприкінці XIII – першій половині XV ст. (на матеріалах мангутонгайців). Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів: Б.и., 2007. 20 с.
11. Идрисов Ю.М. Тюмень на Тереке: от ордынского улуса к кавказскому княжеству // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 8. 2018. С. 182–192.
- 11а. История Казахстана в персидских источниках. Т. III. Му'изз ал-ансаб (Прославляющее генеалогии) / Пер. Ш.Х. Вохидова. Алматы, 2006. 672 с.
12. Исхаков Д.М. О 17 темниках хана Узбека (по описанию Ибн Баттуты) // Форум «Идель – Алтай». Материалы научно-практической конференции «Идель – Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 111–112.
13. Козин С.А. Сокровенное сказание. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. М.; Л.: АН СССР, 1941. 620 с.
14. Макаров Д.В. Тьмы и «татарские места» Центральной России // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. 2010. С. 81–83.
15. Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). Пер. с перс., введ. и комм. Г.М. Курпалидиса. М.: Наука, 1965. 160 с.
16. Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). Крит. текст, пред. и указ. А.А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.
17. Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.

18. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 464 с.
19. Рашид ад-Дин. Переписка / Пер., введ. и коммент. А.И. Фалиной. М.: Наука, 1971. 500 с.
20. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю.П. Верховского, примеч. Ю.П. Верховского и Б.И. Панкратова, ред. И.П. Петрушевский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 253 с.
21. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А.К. Арендса, отв. ред. В.В. Струве. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 340 с.
22. Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «Тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. 2001. С. 144–152.
23. Селезнев Ю.В. Темники Узбека (опыт статистических заметок) // Золотоордынская цивилизация. Вып. 6. 2013. С. 221–226.
24. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. графа С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
26. Усманов М.А. Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. 318 с.
27. Ушницкий В.В. Темники и ханы из династии чингизидов в борьбе за власть в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Фэн, 2009. С. 157–164.
28. Хафиз Абри (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э.Р. Талышханова; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.
29. Хэй-да ши-люе. «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина. Публ. и комм. Линь Кюн-и и Н.Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. 1960. № 5. С. 133–158.
30. Черкас Б. Західні володіння Улусу Джучи: політична історія, територіально-адміністративний устрій, економіка, міста (XIII–XIV ст.). Київ: Б.и., 2014. 387 с.
31. Чурсин Д.И. «Еголдаева тьма» и ее волости по данным исторических источников // История. Общество. Политика. 2021. № 2 (18). С. 96–119.
32. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде / Пер. сангл. Ч.И. Хамидовой и Р. Хауталы; отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 260 с.
33. Busse H. Diplomatique. Perse // Encyclopedie de l'Islam. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 301–313.
34. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1951. Vol. 14. P. 496–504.
35. Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. Vol. 16. № 3–4. P. 478–486.
36. Fekete L. Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Budapest: Akademiai Kiadó, 1977. 594 s., 242 Tfn.
37. Halperin Ch.J. Russia and the Golden Horde. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 180 p.
38. Hammer-Purgstall J. von. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

39. Hope M. Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran. Oxford: Oxford University Press, 2016. 238 p.

40. Langer L.N. Rus' and the Mongol decimal system // Russian History. Vol. 44. 2017. No. 4. P. 515–533.

40a. Manz B.F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 313 p.

41. Smith J.M., Jr. Mongol Nomadism and Middle Eastern Geography: Quishlaqs and Tumens // The Mongol Empire and Its Legacy / Ed. by R. Amitai-Preiss & D.O. Morgan. Leiden; Boston: Brill, 2000. P. 39–57.

41a. Subtelny M. E. Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran. Leyden; Boston: Brill, 2007. 411 p.

42. Vásáry I. The Golden Horde term *daruga* and its survival in Russia // Acta Orientalia Hungarica. 30. 1976. P. 187–197.

43. Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians // Interactions in Language and History. Bd. 105. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 141–152.

44. Wing P. The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East. Edinburgh University Press, 2016. 228 p.

Сведения об авторах: Ленар Фиргатович Абзалов– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>. E-mail: len_afzal@mail.ru

Марат Салаватович Гатин– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420111, ул. Лево-Булачная, 44, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ильяс Альфредович Мустакимов– кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Научного института изучения Улуса Джучи (010000, ул. Пушкина, 15Б, Астана, Республика Казахстан); старший научный сотрудник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (010000, ул. К. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев– доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (198095, ул. Промышленная, 17, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>, ResearcherID: K-2921-2015. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Поступила 10.05.2023 Принята к публикации 28.08.2023
Опубликована 29.09.2023*

REFERENCES

1. Akchurin M.M., Isheev M.R. Temnikov: The Town of a Tümen Commander. The History of Towns of the “Mordovian Peripheries” in the 15th–16th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 3, pp. 629–658. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-3.629-658 (In Russian)

2. Ali-zade A.A. On the institution of “iqra” in Azerbaijan during the Ilkhans’ period (13th–14th cc.). *Izvestiya Azerbaydzhanskogo filiiala AN SSSR* [Proceedings of the Azerbaijan Branch of the Academy of Sciences of USSR]. 1942, no. 5, pp. 19–28. (In Russian)
3. Ata-Melik Juvaini. *Genghis Khan. The history of the conqueror of the world, recorded by Ala-ad-Din Ata-Melik Juveini*. Transl. from Persian by J. E.Boyle. Translated from English to Russian by E.E. Kharitonova. Moscow: Magister-Press, 2004. 689 p. (In Russian)
4. Burov V.A. On hundreds, thousands and t’mas of the Novgorod Land. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya* [Novgorod and Novgorod Land], 1993, iss. 7, pp. 98–110. (In Russian)
5. Butanaev V.Ya. Tumen Kyrgyz in the structure the Mongol Empire Yuan. *Mir Evrazii* [World of Eurasia], 2008, no. 2, pp. 21–25. (In Russian)
6. Vernadsky G.V. *A history of Russia. Vol. III. History of Russia: Mongols and Russia*. Tver: LEAN, Moscow: AGRAF, 2000. 480 p.].
7. Veselovskiy N.I. Nogay, the khan from temniks of the Golden Horde, and his times, in: Veselovskiy N.I. *Trudy po istorii Zolotoy Ordyy*. Kazan: Fen, 2010, pp. 132–191. (In Russian)
8. Vladimirtsov B.Ya. Social system of Mongols. Mongolian nomadic feudalism, in: Vladimirtsov B.Ya. *Raboty po istorii i etnografii mongol’skikh narodov* [Works on history and ethnography of Mongolian peoples]. Moscow: Oriental Literature Publisher, 2002, pp. 295–488. (In Russian)
9. Grigor’ev A.P. Mongol diplomacy of the 13th–15th centuries. (Chingizid diplomatas). Leningrad: Leningrad University Press, 1978. 136 p. (In Russian)
10. Zaplotyns’kiy G.S. Institution of temniks and formation of state system of Tatar peoples at the end of 13th – first half of 14th c, (basing on materials of Mangut-Nogays. Abstract of Cand. Diss. L’viv: S.n., 2007. 20 p. (In Ukrainian)
11. Idrisov Yu.M. Tyumen on the Terek: from ulus of the Golden Horde to Caucasian principality. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [History of peoples of Russia in studies and documents], 2018, iss. 8, pp. 182–192. (In Russian)
- 11a. Vokhidov Sh.H. (transl.) The History of Kazakhstan in the Persian Sources. Vol. III. Mu’izz al-ansab (The Glorifying Genealogies). Almaty, 2006. 672 p. (In Russian)
12. Iskhakov D.M. O 17 temnikakh khana Uzbeka (po opisaniyu Ibn Battuty) [On temniks of khan Uzbek], in: *Forum «Idel’ – Altay». Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Idel’ – Altay: istoki evraziyskoy tsivilizatsii», I Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoy arkheologii evraziyskikh stepey. Tezisy dokladov* [Forum Idel’ – Altai: Materials of the scientific-practical conference “Idel’ – Altai: origins of Eurasian civilization”, 1st International congress of medieval archeology of Eurasian steppes. Abstracts]. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 111–112. (In Russian)
13. Kozin S.A. Secret History. Mongolian chronicle named as Monggol-un niguča tobči-gan. Yuan’ Chao bi shi. Mongolian ordinary collection. Academy of Sciences of USSR Press, 1941. 620 p. (In Russian)
14. Makarov D.V. T’mas and “Tatar locations” of the Central Russia]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar states], 2010, iss. 2, pp. 81–83. (In Russian)
15. Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. *Stages of improvement of katibs*. Transl. from Pers. by G.M. Kurpalidis. Moscow: Nauka, 1965. 160 p. (In Russian)
16. Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta’yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepenej) [A Scribe’s Guide to Determining Degrees], crit. text, intr. and index by A.A. Alizade, vol. II. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Persian)
17. Petrushevskiy I.P. Agriculture and agrarian relations in Iran of 13th–14th centuries. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1960. 492 p. (In Russian)

18. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 25. Moscow annalistic code of the end of the 15th c. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1949. 464 p. (In Old Russian)
19. Rashid ad-Din. Correspondence, transl., intr. and comments by A.I. Falina Moscow: Nauka, 1971. 500 p. (In Russian)
20. Rashid ad-din. Compendium of Chronicles, vol. 2, transl. from Pers, by Yu.P. Verkhovskiy. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 248 p. (In Russian)
21. Rashid ad-Din. Compendium of Chronicles, vol. 3, transl. from Pers. by A.K. Arends; ed. by V.V. Struve. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 340 p. (In Russian)
22. Rusina E.E. Yagoldai, Yagolday's descendats and Yagolday's "T'ma". *Slavyane i ikh sosed'i* [Slavs and their neighbors], 2001, iss. 10, pp. 144–152. (In Russian)
23. Seleznev Yu.V. Temniks of Uzbek (attempt of statistical notes). *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya = Golden Horde Civilization*. 2013, iss. 6, pp. 221–226. (In Russian)
24. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. Vol. 2. Extracts from Persian works. Collected by V.G. Tiesenhausen; ed. by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 308 p. (In Russian)
25. Tiesenhausen V.G. Collected Materials Related to the History of the Golden Horde. St. Petersburg: Publ. by Count S.G. Stroganoff, 1884. 564 p. (In Russian)
26. Usmanov M.A. Granted Charters of the Ulus of Jochi of 14th–16th cc. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p. (In Russian)
27. Ushnitskiy V.V. Temniks and khans of Chinggisid family in the fight for power in the Golden Horde. in: *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»*. 17 marta 2009 g. *Sbornik statey* [Golden Horde Heritage. Materials of the scientific conference "Political and social-economic history of the Golden Horde (13th–15th cc. March 17, 2009: Collected articles)], 2009, iss. 1. Kazan: Fen, 2009, pp. 157–164. (In Russian)
28. Khafiz Abru (Shikhab ad-Din Abdallakh ibn Lutfallakh al-Khavafi). *Zayl-i Dzhami at-tavarikh-i Rashidi («Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida»)* ["Addition to Compendium of Chronicles by Rashid"], transl. from Pers., intr., comments, notes and index by E.R. Talyshkhanov; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: YaZ, 2011. 320 p. (In Russian)
29. Hey-da shi-lyue. "Brief information about the Black Tatars" by Peng Da-ya and Xu-Ting. Publ. and comment. Lin Kyung-yi and N.C. Munkuev. *Problems of Oriental Studies*. 1960. No. 5. P. 133–158. (In Russian)
30. Cherkas B. Western domains of the Jochi Ulus: political history, administrative-territorial system, economics, owns (13th–14th cc.. Kyiv: S.n., 2014. 387 p. (In Ukrainian)
31. Chursin D.I. Yagolday's t'ma" and its districts according to historical sources. *Istoriya. Obshchestvo. Politika* [History. Society. Politics], 2021, no. 2(18), pp. 96–119. (In Russian)
32. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde* [Russ. ed.: Plemennaya politika i sotsial'noe ustroystvo v Zolotoy Orde, transl. by Ch.I. Khamidovf and R. Khautala; ed. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p.
33. Busse H. Diplomatie. Perse. *Encyclopedie de l'Islam*. Leiden: Brill, 1991. Vol. II. P. 301–313.
34. Cleaves F.W. A chancellery practice of the Mongols in the thirteenth and fourteenth centuries. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1951. Vol. 14. P. 496–504.
35. Cleaves F.W. The Anonymous Scribal Note Pertaining to The Bicig of Otemis. *HJAS*. 1953. Vol. 16. No 3–4. P. 478–486.

36. Fekete L. *Einführung in die persische Paläographie. 101 persische Dokumente*. Aus dem Nachlaß des Verfassers herausgegeben von G. Hazai. Akademiai Kiadó, Budapest 1977. 594 s., 242 Tfn. (In German)
37. Halperin S.J. *Russia and the Golden Horde*. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 180 p.
38. Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s. (In German)
39. Hope M. *Power, politics and tradition in the Mongol Empire and the Ilkhanate of Iran*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
40. Langer L.N. Rus' and the Mongol decimal system. *Russian History*, 2017, vol. 44, no. 4, pp. 515–533.
- 40a. Manz B.F. *Power, Politics and Religion in Timurid Iran*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 313 p.
41. Smith J.M., Jr. Mongol Nomadism and Middle Eastern Geography: Quishlaqs and Tumens. In: Amitai-Preiss R., D.O. Morgan (eds.). *The Mongol Empire and Its Legacy*. Leiden; Boston: Brill, 2000, pp. 39–57.
- 41a. Subtelny M. E. *Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran*. Leyden; Boston: Brill, 2007. 411 p.
42. Vásáry I. The Golden Horde term daruga and its survival in Russia. *Acta Orientalia Hungarica*, 1976, vol. 30, pp. 187–197.
43. *Vasary I. The Role and Function of Mongolian and Turkic in Ilkhanid Iran Turks and Iranians. Interactions in Language and History*. Band 105. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. P. 141–152.
44. Wing P. *The Jalayrids: Dynastic state formation in the Mongol Middle East*. Edinburgh University Press, 2016. 228 p.

About the authors: Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>. E-mail: len_afzal@mail.ru

Marat S. Gatin – Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Anthropology and Ethnography, Institute of International Relations, Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7698-0450>. E-mail: marat_gata@mail.ru

Ilias A. Mustakimov – Cand. Sci. (History), Chief Research Fellow, Research Institute for Jochi Ulus Studies (15B, Pushkin Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); Senior Research Fellow, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, K. Satpayev Str., Astana 010000, Republic of Kazakhstan); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0052-5136>. E-mail: imus2007@mail.ru

Roman Yu. Pochekaev – Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya Str., St. Petersburg 198095, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4192-3528>. E-mail: rpochekaev@hse.ru

*Received May 10, 2023 Accepted for publication August 28, 2023
Published September 29, 2023*